

Алексей Рыжиков, военный пенсионер, приехал в родной городишко «домовничать». Старенький отец надолго залёг в больницу и попросил сына присмотреть за домом. Вот и обосновался Алексей в родовой избе-пятистенке в уцелевшей деревеньке из тройки домов за городской чертой.

Прежде, когда он изредка приезжал в Городок, и, жаждая неторопливого общения, проходил по его улочкам, старые знакомцы от него отмахивались, пробегали мимо. Все были при деле. Даже алкаши записные, тюремщики — на теле живого места от наколок нет, и те по-скорому «залудив» по стакану и не вступая в разглагольствования, мчались кто куда. Одни — в лес на делянку, другие — на пилораму брёвна закатывать. Время — деньги.

Уж если только с самыми последними «опойками» приходилось Алексею компанию составлять.

Но вот грянул вдруг мировой кризис, и стоило теперь Алексею

лишь показаться в Городке, как тут же его встречала целая орава мужиков, желающих набиться в собутыльники. Бабёнки-то, цепляясь за бюджетные должности, получали какие-то копейки и старались худо-бедно содержать семью. А мужики, когда выпазганный ими на многих гектарах окрест лес и стрелеванный в бесчисленные штабеля, стал никому не нужен ни в столице, ни за бугром, растерялись и раскисли, пошли горе своё заливать. А «горловина» эта такая, что скоро портки последние с себя спустишь, а «нутро» всё ноет и требует.

Мужики к старушкам навешиваться: дров напилить и наколоть, забор подправить или крышу дома починить. Мало ли дел в хозяйстве найдётся? Главное, чтобы старушонка рассчитаться могла, она же пенсионерка и у неё денежки есть. Но и бабули скоро ушлые сделались: запрутся на все запоры и нос наружу ни за что не высунут. Знают они горе-работничков: вроде что-то делают, а сами зыркают по сторонам чего бы спереть да и продать потом в соседнем же доме.

За Алексеем открылась настоящая охота: он — военный пенсионер, не то что какая-нибудь тебе старуха. Богач! Раньше ему просто покалякать было не с кем, а теперь дай бы Бог благополучно прошмыгнуть мимо этого сонма желающих и жаждущих!

Но двое, Алька Лохов да Вовик Безруков, пристанут, как листья банные. Они тоже в Городке без дела болтаются. Алька, ровесник Алексею, в самом начале лесного «бума» влип с возом ворованного леса, схлопотал срок, правда, небольшой. Хотя его вполне хватило для того, чтобы Алька «завязал» воровать по-крупному. Для собственного прокорма он промышлял теперь по мелочовке, под покровом ночи шарился по подворьям и тянул, что плохо лежит и не приколочено. Ясным днём он всучивал свою «добычу» где-нибудь на другом краю Городка за бутылку «палёной» водки и краюху хлеба. После неудачных выходов на «промысел» Алька, как утверждали злые языки, не брезговал и перекусить собачатиной: то там, то тут бесследно пропадали добродушные упитанные псины.

Другой кто давно бы от такой житухи коньки отбросил, а Альке хоть бы что! К нему, приветливому и словоохотливому, ещё и бабёнки-алкашки липли. Когда-то у Альки была своя семья, дети, но от мужика-гулевана все сбежали, и обитал теперь Алька один, но временами — и с сожительницами, в полуразвалившемся родительском доме с дырявой крышей.

А над Вовиком Безруковым не зря подсмеивались: маленькая собачка и до старости — щенок! Дело — к полтиннику, а он всё как пацанчик, шкет шкетом: ростиком — метр с кепкой,

косточки щуплого тельца только что не просвечивают на солнышке. Вдобавок — у него наивные глаза навькат, и дураковатая улыбочка всегда сияет на рожце. К учению или к какому серьёзному ремеслу Вовик оказался с малолетства не способен, от юности до «пустозрелости» перебивался кое-какими работками — бери меньше, кидай ближе. Благо подкармливали его мамаша и отец-инвалид. Девки на Вовика — ноль внимания, остался он старым холостяжкой. Потом ещё и в тюрягу загремел. Выпивал как-то в компании с такими же, как сам, шаромыжниками и стакан с «палёнкой», видать, не поделили, повздорили. Вовкин оппонент, едва живой с перепоя, сам споткнулся и упал, а Вовик решил закрепить неожиданную свою победу: распластанному на земле верзиле вlepил в бок пиннок. У верзилы во внутренностях лопнула и пошла кровью застарелая болячка, через несколько часов бедняга отдал концы...

Вовик отсидел своё и, вернувшись домой, отпустил длинную, с проседью, бороду: вроде б как «закосил» под монашка. Но ни в церкви, ни около неё Вовика никто не видел, тёрся он больше на автовокзале. Облачённый в затрапезную одежку явно с чужого плеча, нацепив на нос очки с растресканными стёклами, Вовик восседал на лавке у входа и, раскрыв какую-то затрёпанную книгу, бубнил невнятно, раз-

меренно-неторопливо крестясь. Кто-то из сердобольных путешественников ссужал его рублишком-другим, и довольный Вовик бежал в соседнюю домишку аптеки за склянкой «брынцаловки», именуемой так местным народом настойки боярышника. Поднабравшись, он заползал в привокзальные кусты подремать. После блаженного сна он опять вылезал в людскую толчею, и, если не подавали чужие, то начинал приставать с просьбишками к местным прохожим, впрочем получая тут чаще вместо денежки по уху.

Позднее Вовик повысил «квалификацию»: переместился на микробазарчик в центре Городка убирать после торгашей остатки испортившегося товара. Перепадало ему и полакомиться вкуснятинкой, а то и нажраться от пуза; днём было время и на «брынцаловку» копеек настрелять у тех же торговцев и покупателей.

Вот они, Алька с Вовчиком, и составили Алексею в этот раз компанию. Знали, чем его пронять, как и любого человека — залебезили перед ним оба, с заискивающими нотками в голосе назвали по имени-отчеству.

Он и повёлся, поглядывая свысока, поделился с однокашниками сигаретами, присел на лавочку с ними на минутку покурить, прихвастывая, поотвечал на участливые их вопросы о житье-бытье и не заметил, как разговор свернулся на

пол-литра. Слабо, что ли, немущих угостить, самолюбие себе же потешить?

А там, дальше, понеслось всё кувыркком! Друзья-приятели мигом просекли, что в кошельке у Алексея имеется, пусть и скромная, но наличность, и теперь не собирались с ним расставаться.

Гулянка плавно переместилась из парка под дырявую крышу Алькиного дома.

Дом — наподобие постоянного двора, забегаловки: одни людишки приходят, пьют-гуляют, валяются и потом кое-как прочь уползают, а на смену им уж другие прутся. Хозяин Алька только рад тому, кто на огонёк с дармовой «палёнкой» наведается. В доме — голо, шаром покати: на просторной кухне под тусклой лампочкой возле стола громоздятся грубо сколоченные лавки, в полумраке горницы угадываются очертания кроватей с голыми панцирными сетками с кучами тряпья, наваленного на них. Здесь и днём темно: видать, кто-то буйный высадил в окнах стёкла, и они были наспех залатаны листами фанеры.

Алексей с новыми друзьями «попал в круг»: для него день перемешался с ночью, в пьяном забытии проплывали перед ним какие-то рожи. Выпивох оказалось в Городке не так уж и мало, Алик с Вовиком — только верхушка айсберга. Кого-то Алексей помнил ещё с детских лет, росли вместе, в одну школу бегали, и

им он радовался больше. Незнакомцы, выслушивая его болтовню о зигзагах военной карьеры, хмуро и недоверчиво хмыкали; одноклассники же рассказам внимали, раскрывши рты, хлопали Алексея по плечу, лезли пить на брудершафт: «Вот он, наш герой!»

Язык у Алексея деревенел, славный воин засыпал, уткнувшись лицом в столешницу, чтобы вскоре опять быть растолканным очередным захожаем. Алексей договорился уж до того, что он — без пяти минут генерал авиации и геройскую «звезду» только из-за происков злопыхателей не получил...

Очередной раз очнулся он — его трясли, умоляли, требовали. Наступил кризис наличности в кошельке — на самую захудалую, воняющую ацетоном, бутылку «палёнки» было не наскрести. Алексей пошарился в карманах — тоже пусто.

Кто заикнулся об этом первом? Наверное, Алька.

— Лёха! — теперь к Алексею заискивающе по имени-отчеству никто не обращался. — У тебя в доме иконы от стариков остались, без толку висят. Давай «толкнём» пока хотя бы одну! Вон, Вовка её «чуркам» своим на базар сволокёт и хорошо загонит!

Вовик головёнкой радостно закивал: всегда готов!

В сумерках, пьяно гомоня и поддерживая под локти друг

друзьку, они поплелись к Алёхиному дому. Редкие встречные прохожие брезгливо и испуганно шарахались от разудалой компании, перебежали на другую сторону улицы. Кончилась нечастая череда светящих себе под нос уличных фонарей; на окраине Городка — темень ткни глаз, возле родительского дома Алексея гуляки притихли. Проглянула ненадолго ущербная луна в разрыве облаков, и Алексей наконец попал ключом в замочную скважину. Руки тряслись, едва ключ не обронил. Алька с Вовиком притулились на брёвнышке под забором, вроде б как на стрёме остались стоять.

Алексей, не включая свет, прокрался в темноте из сеней в горницу. С улицы в окна проникал бледный лунный свет, и в углах пугающе шевелились какие-то тени. «Откуда они и взялись? — у Алексея вздох колотилось сердце. — Как вор я...»

Боясь оглянуться, он на цыпочках прокрался к божнице в красном углу и, нащупав за занавеской на киоте доску иконы, резко её сдёрнул и, прижав к груди, опрометью вылетел из избы.

— Мужики, а может, не надо продавать? — нерешительно пролепетал он на улице.

— Давай, Лёха, не скупердяйничай! — Алька ловко выхватил из его рук икону и передал Вовику.

Тот, шкет, где ветром мотает, а тут рванул на желтеющие в

Городке огоньки фонарей — только его и видели. Следом — Алька. Алексею оставалось покорно ковлять за ними по лужам.

«А что? — пытался оправдаться он. — Они и так бы в дом залезли и украли, стоило бы мне только уехать. Не они — так другие. А тут всё же даром не пропадёт...»

От последних словечек, повернувшись в мыслях, Алексея покорило, стало противно и тоскливо на душе...

Впрочем, свежая лошадиная доза пойла угрызения совести скоро заглушила.

Опять в Алькином вертепе пошёл-поехал шум, гам, тарарам!

Не только мужички заскакивали на «огонёк», забредали и бабёнки. Алексей уж на что пьян не бывал, но сторонился их, неряшливо одетых, с опухшими лицами, противными визгливыми голосами. Бабёнки всё равно нагло норовили залезть к нему на колени, тыкались ему в щёки слюнявыми губами и, грубо стряхнутые с коленей, пускали похабные шуточки и сами же, довольные, хихикали над ними.

Надку, сестру Альки, свою ровесницу, Алексей бы и не узнал, если бы её брат не окликнул... Ввалились две доходяги-бабёнки с одинаково оплывшими, с землистой кожей рожами, одетые в одинакового фасона труньё: дражные грязные джинсы, затасканные пиджаки явно с мужского плеча. Кое-как подстриженные

волосы разлохмачены во все стороны, только что сеной трухи в них не хватает. У бабёнок — последняя стадия, сразу видно, дальше их ждёт гибель под забором или возле баков помойки.

Одна из доходяжек, пытаясь распялить в улыбке по-старушечьи беззубый рот, подседа к Алексею и тут же сгребла со стола его стакан и выхлебала остатки «палёнки».

— Надька, хорош борзеть! — угрозливо прикрикнул на неё Алька.

Дама резко обернулась к нему, злобно заблестевшие глаза её сузились в щёлки. Ещё бы немного — и она вцепилась бы в хозяина вертепа.

Но Алька вовремя переключил её внимание на гостя:

— Помнишь его? Это Лёха Рыжиков!

— Лёшка?! Ты?! — Надька, восторженно взвизгнув, немедленно обслюнявила Алексею щёки и пристроилась, елозя топцем задом, на его колени.

Грубо стряхнуть её, как других, с коленок Алексей не посмел. Надьку ещё в детстве Алёшка побаивался. Завидев её, идущую по улочке навстречу, норовил поскорей свернуть в проулок, а то и сунуться направопалую в какой-нибудь двор. Потому как Надька из пацанок — язва хорошая, язычком подцепит — с ходу в краску вгонит. Все Алёшкины изъяны наружу вывернет, в особенности при девчонках. Знает,

что в ответ оплеуху Алёшка не даст и не нагрубит: нет, не слабак он, а просто девок боится. А Надька и рада-радёшенька...

Приехала к соседям юная гостья из большого города, поглянула на Алёшке; тот не знает, как и к ней подступиться. Решился-таки однажды, заговорил с девчонкой, а Надька тут как тут! Идёт мимо и, прищуривая глаз, кричит Алёшке:

— Эй, чмо болотное, пойдём любовью заниматься!

Где и слова такие услышала, ведь по телеку в ту пору о том молчали?!

Приезжая девчонка покосилась на Лёшку, хмыкнула и домой юркнула. Что за кавалер, коли ответить не может, стоит и пышкается, рот распялив.

Надька вымахала в рослую крепкозадую бабёнку: в редкие приезды Алексея в родной городишко иногда встречалась ему, с ехидцей улыбаясь белозубо. И Алексей, как в подростках, старался прошмыгнуть поскорее мимо...

Алька, неистощимый пустобрёх и балагур, ещё вчера пригрюнивался над стаканом палёной водки, вспоминая, что сеструху, сгнувшую в одночасье из-за этой самой заразы, недавно схоронил. А сейчас Надька, вроде бы и живая, сидела на коленках у Алексея. Склонилась к уху и зашептала горячо:

— Уйдём отсюда! Ну их всех, пропадёшь с ними ни за грош!

И дряблые свои титёшки в Алёхины ладони вжала.

В ночной тишине они брели, обнявшись, по улочке наугад.

— И не вздумай возвращаться к ним! — запальчиво бормотала Надька. — У меня, вон, мужик-красавец был, спился с концами! Теперь дочка — прости, господи, сынок в тюрьге сидит. И сама я — кто бы пригрел! А всё прежде над людьми смеялась-лыбилась!.. И тебя, бывало, задевала. Прости, нравился ты мне, пусть и «тёпленький» был...

У Алексея отяжелела голова, ноги подгибались в коленях. Надькин торопливый разговор становился всё глуше и глуше, а потом отдалился и вовсе...

Алексей очнулся, когда уже брезжил робкий серенький рассвет. Кто-то настойчиво тормозил его, лежащего на холодной земле, за плечо. Алексей приоткрыл глаза и обмер: над ним склонился священник. Кое-как поднявшись, Алексей испуганно-недоумённо заозирался по сторонам: церковный погост, низкие, заросшие травой, холмики в оградках, храм с открытыми воротами.

У священника были добрые, с участливо-тревожным выражением глаза, рыжеватая борода пушилась с круглых щёк. Оглянувшись на Алексея ещё раз, он, перекрестясь, шагнул в проём церковных врат. Алексей, превозмогая в себе страх и озноб, переступил порог следом.